

УДК 94(4)

**ТЁМНЫЙ ЧЕЛОВЕК МРАЧНОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ: ОБРАЗ ПРЕСТУПНИКА
ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ****THE DANGEROUS MAN OF THE DARK MILLENNIUM: A CRIMINAL
OF THE EUROPEAN MEDIEVAL AGES****Э.Н. Гушчин
E.N. Gushchin***Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7
State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia**E-mail: Eduard.Gushchin@gmail.com***Ключевые слова:** преступник, криминальная субкультура, Средневековье.**Key words:** criminal, criminal subculture, the medieval Ages.

Аннотация. Автор статьи изучает криминальную субкультуру Средневековья и пытается воссоздать образ преступника в истории европейской цивилизации. Криминальная субкультура – архаический феномен. В статье сделана попытка анализа причин преступности, отношения к ней различных кругов общества.

Resume. The author examines the criminal subculture of the middle Ages and trying to recreate the image of the offender in the history of European civilization. Criminal subculture – its archaic phenomenon. The article aims to analyze causes of crime, the relationship to it of various circles of society.

В настоящее время, отечественными и зарубежными исследователями сделан ряд попыток изучения различных субкультурных групп, существовавших в исторической перспективе. Одной из таких, самых древних субкультур, является криминальная субкультура. Изучение этой субкультуры представляется важным практическим моментом, способствующим, пусть и опосредовано, борьбе с криминалом (например, изучение механизмов преступности прошлого может быть источником информации для создания мер, предупреждающих современную преступность).

Тем не менее, российские исследователи посвящают своё внимания вопросам развития современной организованной преступности, значительно меньше касаясь проблемы преступности в монархический период истории России. В русскоязычных источниках ещё более сложно встретить исследования феномена европейской преступности, особенно в её раннем этапе развития. В этом обстоятельстве, видна некоторая несправедливость – отечественные медиевисты, культурологи и философы, как будто отказываются от попыток сравнительного анализа развития криминальной субкультуры на Руси, в России и Европе. Такое историко-культурологическое или антропологическое исследование могло бы оказаться очень интересным, поскольку наглядно раскрывало бы, через возможное сходство криминалитета разных государств, сущность криминала как социокультурного феномена. И уж тем более, такой сравнительный анализ невероятен в зарубежной научной литературе (хотя средневековая повседневность Европы изучена очень хорошо, в частности французскими исследователями). Очевидно, что исследование древней истории и культуры сопряжено со многими организационными трудностями, которые умножаются, если речь идёт о незнакомой, «чуждой», «неродной» исследователю, культуре. Конечно, для полноценного историко-культурологического, философско-антропологического анализа желательно использовать, в сочетании с другими, литературные тексты, хроники, различные записи и современные изданные публикации на оригинальном языке. Но если такой возможности нет, всё же, от этого пути отказываться не стоит. Возможно, такую ситуацию может исправить обращение к большему количеству источников из разных областей знания. Настоящей статьёй, хочется восполнить хотя бы, незначительно, такой научный «пробел», рассмотреть в большей мере криминальную субкультуру западноевропейского Средневековья, и вызвать интерес к дальнейшей разработке темы научной общественностью.

В настоящее время, в науке достаточно подробно описана современная криминальная субкультура. Назовём имена тех отечественных исследователей, которые касались, непосредственно вопроса исторического развития криминального мира и формирования общественной реакции в ответ на него. Это С.А. Ветошкин (тюрьма и общество), О.В. Рогова (телесные наказания на Руси), Ю.А. Романченко («Божий суд» как поиск справедливости), А.Х.-А. Пихов, Н.А. Шеуджен (развитие международного сотрудничества по борьбе с преступностью), М.К. Ивина (проблемы законодательства в Средние века и Новое время), И.С.Ильин (о каторге, организация тюрем в Европе в Средние века), Е.Ю. Антонова (ис-

торико-правовой анализ коллективной уголовной ответственности), Е.Ю. Калинина (кровная месть и смертная казнь), О.Н.Бибик (материальная культура и преступность), Г.Д.Гамбаров (зарождение международного сотрудничества в борьбе с преступностью в финансовой сфере), А.Н. Кондратьева (соотношение понятий «грех» и «преступление» в средневековом праве), и т.д.

В.В. Шемякина, изучая историю криминальной субкультуры, на основе изучения различных теоретических работ и эмпирического материала, определяет её как: *«...образ жизни, систему политических, идеологических, правовых, нравственных, философских, религиозных, эстетических «норм», манеру поведения, образ мышления и традиции лиц, совершивших преступление или отбывавших (отбывающих) наказание в местах лишения свободы, со своими отличительными чертами в зависимости от пола и возраста осужденных, режима исправительного учреждения, тяжести совершенного уголовно-правового деяния»* [Шемякина: Криминальная субкультура современной России, С. 9]. Отметим, что некоторые исследователи стремятся подтвердить мнение о том, что любого человека, относительно оторванного от преступного сообщества, но совершившего преступление, можно причислить к представителям криминальной субкультуры. Такая позиция упрощает определение криминальной субкультуры.

В Средние века преступность представляет собой серьёзную проблему для общества, хотя и была привычным явлением. Наиболее провоцирующие, преступность, факторы – это война и социальная неудовлетворённость общества. Как считает крупный французский историк Проспер Буассонад, варварские бесчинства, разбойничьи набеги сильно сократили производительность и пошатнули экономику в ранний период европейского Средневековья [Буассонад: От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе, С. 33-39]. Можно сказать, что Средневековая цивилизация начинается с насилия и криминала (как, возможно и Античная цивилизация, когда ахейские племена потеснили крито-минойскую культуру, хотя навряд ли тот исторический процесс носил такой же масштабный, по своей драматичности, характер). Автор приводит многочисленные свидетельства бесчинств и замечает, что *«...Все гарантии сохранения жизни и собственности, которые давала человеку умирающая античная цивилизация, исчезли при анархии, которую создали варвары»* [Буассонад, С. 32]. При этом, те варвары, которые не имели опыта знакомства с римской цивилизацией, были более жестокими [Буассонад, С. 34]. *«По свидетельству святого Иеронима (за 406-416 н. варвары уничтожили все признаки цивилизации от Альп до Пиренеев и от океана до Рейна»* [Буассонад, С. 34].

Автор замечает, что преступные набеги шли рука об руку с опустошениями и голодом, а последний – мог сопровождаться случаями людоедства. Средневековая Европа, в метафорическом смысле, напоминала дьявольскую карусель, в которой не было исхода, где постоянно чередовавшиеся беды, вновь и вновь возрождались по одному и тому же пути. Только сверх-насилие, сверх-жертвы, сверх-трагедия (которую средневековый европеец, вероятно, полностью не осознавал) несколько замедляли этот вихрь; это случалось тогда, когда население в большинстве своём вымирало по той или иной причине.

При этом, военные действия и конфликты отнюдь не означали, что в роли преступника обязательно выступает какой-либо враг или захватчик; случалось, что преступниками становились сами защитники тех или иных территорий – воины, наёмники, жители провинции, без всякого гражданского и этического самосознания. Немецкий культуролог Ф.Грегоровиус в фундаментальной работе «История города Рима в Средние века» описывает такой случай с набегом арабов на аббатство в Фарфе, в 890г.: *«...В течение целых семи лет аббат Петр мужественно защищал монастырь, но затем должен был признать, что для аббатства нет спасения. Сокровища монастыря были отправлены в Рим, Фермо и Риети; драгоценный киворий главного алтаря был разрушен, а колонны из оникса зарыты в землю; исполнив все это, Петр покинул аббатство. Пленные красотой зданий аббатства сарацины решили пощадить их и обратили Фарфу в свое пристанище; но хозяйничавшие тут же христианские разбойники подожгли аббатство, и с той поры в течение 30 лет оно представляло одну груды развалин»* [Грегоровиус: История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия), С.437]. Таким образом, даже принадлежность к той или иной вере не определяла расстановку сил в противостоянии «жертва-преступник», «общество-криминал». Сопrotивляться набегам различных разбойников было невозможно, потому что за разрушением монастырей следовало восстановление, а затем снова разрушение.

На наш взгляд, отношение общества к насилию и к тем группам населения, которые могли его творить, во многом определяет всё развитие Средневековой культуры. Насилие настолько становилось привычным, что понятие «преступление» заменяется и затмевается понятием «грех»; а развитие религиозных представлений опережает развитие закона. В таком настойчивом обращении к христианству видна судорожная попытка «перезагрузки» на мирное сосуществование, она как нервная, горячая мольба, как самозакливание общества от зла, как попытка преодолеть, перешагнуть все

ужасное. М.Блок пишет не только о Средневековом насилии, но и о стремлении к миру. В его работе присутствует обратное мнение о том, что насилие, коренившееся в ментальности социума, не разрушало экономику, а сама экономика основывалась на насилии, которое являлось частью права [Блок: Феодальное общество, С.403.]. Откуда же приходил к людям недолгий мир? По мнению М.Блока, «...сообщества мира зародились на епископских соборах. Чувство человеческой солидарности было обострено у духовных лиц, поскольку они представляли себе христианский мир как мистическое тело Спасителя» [Блок, С.404-405].

М.Блок указывает, что зародилось движение к миру, скорее всего, около 989 года неподалеку от Пуатье на соборе в Шарру [Блок, С.405]. Иногда принуждение к миру имело насильственный характер: «В 1070 году в Мансе французское движение городских коммун началось карательными экспедициями под сенью церковных хоругвей против сеньоров-грабителей» [Блок, С.409].

Автор пишет, что церковники хотели хотя бы немного сократить уровень насилия, взяв под защиту какое-то количество людей. В Шарру были созданы запреты на конкретные виды насилия, погромы, воровство; эти запреты играли роль клятвы для сеньоров. Существовали исключения из этих запретов. Специфика того времени была такова, что часть исключений «...делались из почтения к принуждениям, читай, насилиям, без которых не мыслилось существование власти и которые считались законными.... Специально оговаривалось или признавалось по умолчанию право на месть после совершенного убийства» [Блок, С.405-406].

Учитывая повсеместные проявления насилия в Средние века, становится не совсем ясным, откуда мог родиться культурный стереотип о добром разбойнике, грабящем богатых ради бедных. Возможно, влиятельные и богатые сеньоры, феодалы были настоящим преступным бедствием для своего окружения, или случайных людей, не имеющих высокого социального статуса. Может быть поэтому, бедный преступник противопоставит богатому преступнику, и это воспринимается как хотя бы какое-то проявление справедливости.

Пожалуй, лишь духовенство, которое имело незначительную возможность наблюдать за общественно-историческими процессами со стороны, отдавало себе отчет в реальном соотношении насилия и мира, преступления и справедливости. Угнетённый крестьянин, ограбленный человек, несчастный разорившийся, сирота, могли обладать всеми проявлениями комплекса жертвы, не воспринимая происходящее явно. А угнетатель-феодал, разбойник, грабитель глубоко не рефлексировал. Каждый класс стремился обвинить в разбоях, грехах и преступлениях чужую, противоположную, враждебную общность (по этническому, социальному признаку). Нам кажется закономерным тот факт, что параллельно существуют и баллады о бедном Робин Гуде и миракли о знатных феодалах и рыцарях, (всех их объединяет *преступление*). В специфике восприятия насилия и криминальной субкультуры видно классовое противостояние, а само насилие – инструмент выживания, используемый всеми слоями населения в большей или меньшей степени. Поэтому криминальную субкультуру Средневековья определить довольно сложно в её границах, – она распространяется на всё общественное устройство. Более того, существуют свидетельства, доказывающие, по крайней мере один случай того, что в банду преступников входил священник (из семьи Фоллвилей. Как утверждают популярные зарубежные источники, позже деятельность этой банды была признана общественным мнением справедливой, словосочетание «закон Фоллвилей» оказалось идентичным понятию «законный грабёж»).

Восприятие преступности средневековым европейцем настолько несовершенно, что его не посещает идея рассматривать криминал как отдельную, организованную общность внутри городской культуры. В доказательство можно привести пример практики окружения города высокими стенами, в то время как общественный враг – преступник – мог оставаться внутри. Попытки влиять на преступления включали в себя ужесточение наказаний, процедуры преследования преступников и ведения следствия (можно вспомнить *Constitutio Criminalis Carolina* – «Каролину», т.е. уголовно-судебное уложение Священной Римской империи), но вряд ли касались изменения каких-либо социокультурных факторов. Например, даже в описываемые времена, могли бы осуществляться попытки изъятия у населения оружия, присмотр за неблагополучными слоями населения, но они не реализовывались в необходимой мере. По сути, существовало лишь физическое противодействие криминалу, подкреплённое написанными позже законами и традициями, а каких-либо действенных социальных механизмов противодействия не существовало. Преступником, в условиях распространённого насилия (в том числе и легитимного), мог оказаться каждый (в пример приведём историю с втягиванием в криминальные круги знаменитого французского поэта Ф.Вийона).

Почему же появлялись жёсткие законы, если, они были не всегда действенны? Ведь, как потом докажет мировая юридическая практика, в профилактике преступлений важнее идея о неотвратимости наказания, а не о его тяжести. Государство, обладая законным правом на насилие, монополизировав его, обеспечивает безопасность социума. Однако, как указывает С.Н.Борисов, пограничное состояние, когда легитимное насилие становится нелегитимным, порождает наиболее разрушитель-

ные формы насилия, а отсутствие критериев в оценке допустимости насилия определяет относительность легитимного насилия [Борисов: Концепт насилия в современном российском самосознании, С.101]. Именно поэтому история закона и права идёт путём уточнения всех возможных критериев, касающихся сферы преступлений и наказаний («Каролина» как раз и имела своей целью уточнение требований пыток, определению преступления, регламентацию наказаний и т.д., так же, как русский Судебник 1497 года стремился точнее определить и классифицировать преступления и преступников).

Главными социальными критериями, регулирующим всё отношение к криминалу и преступлению, была, зачастую, не только тяжесть преступления, но и статус, происхождение преступника, а так же культурные традиции отношения к преступлению, закреплённые в библейских текстах. Личность жертвы не изучалась и не рассматривалась, как будто её не существовало.

Подразумевалось, что человек низкого происхождения, больше способен на преступление, чем благородный (но лишь подразумевалось, реальность отличалась от представлений); целью некоторых законов было защитить привилегированные слои населения, ведь именно такие люди обладали материальным имуществом, иногда значительным. Такую ситуацию можно назвать «юридической близорукостью», совершенным незнанием криминальной субкультуры. Характерно это и для русского общества феодального периода. Примечателен тот факт, что существует достаточное строк, записанных в судебнике 1497 года, о преступлениях против имущества; но о таких преступлениях, которые не несут в себе меркантильные интересы, идею обогащения, а лишь порчи чего-то чужого, (т.е. подлые в прямом смысле слова, преступления) – поджоги, подбрасывание компрометирующих предметов и улики, иногда даже трупов (ради расправы с врагами и соперниками), «головная татьба» [Федорова: Виды правонарушений по судебнику 1497г., С. 176-179]. Судебную систему характеризуют попытки справиться с постоянными наветами, наговорами и крамолой, производимых, иногда, даже самими «судьями» ради личной выгоды.

Парадоксально, что именно усиления наказания (по сути насилия), может его же и породить. Таким образом, в ранней истории и следственные пытки воспринимались как что-то естественное, обычное, и чинилось самоуправство, самосуд.

Недостаточная ясность критерия в определении насилия, да и всякой рефлексии по этому поводу, само по себе может увеличивать число преступлений (ниже будет упомянуто, что насилие без критерия определения степени его допустимости, в системе наказания преступника делало из последнего жертву). Может показаться, что причиной таких «неотработанных» рефлексий является то, что не существует организованной преступности, открыто и цинично противостоящей обществу. Однако это не так: уже в Средние века есть и организованная преступность, и предельный цинизм криминальных кругов. Наибольшую опасность, вероятно, представляли люди, взявшие оружие, предавшие всякие правила, законы и условности. Ф.Грегориус приводит следующие сведения и их блестящую интерпретацию: *«...С середины XIV века началось все усиливающееся преобладание странствующего солдачества. Приведенная к распаденю английской войной Франция и раздробленная Италия представляли для этого естественные арены. Историки того времени не в состоянии были постигнуть ни того, какая была причина, что столь многие синьоры из старой знати, столь много храбрых воинов, приставали к гнусным разбойничьим шайкам, ни того, откуда эти компании как бы в одну ночь выростали все вновь и осмеливались безнаказанно пронестись по прекраснейшим странам. Этот симптом органического недуга в самом обществе они объясняли влиянием констелляций планет или карающей десницей неба. Тогдашний мир, в котором пришли в упадок великие средневековые устои, империя, церковь, ленная монархия, рыцарство, патрицийский городовоной строй, находился в разложении и искал новых социальных форм. Банды наемников составляли пролетариат расплывшегося по всем порам европейского общества. Рыцарство, некогда европейская федерация, в котором находили себе законные формы мужская сила и мораль, одолено было возраставшей образованностью и благосостоятельностью гражданства; дух его покинул, и оно обратилось в рыцарскую погоню странствующих авантюристов за фортуной. То же самое гражданство вытеснило родовое дворянство из республик; отсюда явилось последствием, что праздные и честолюбивые дворяне, как Колонна, Орсини и Савелли, искали себе занятий в солдатском ремесле и стали фигурировать в виде кондотьеров. Падение аристократии, консервативного сословия, зиждившегося на наследственном землевладении, явилось вместе с тем и существенной причиной распадаения старого общинного строя, ибо лишило общины духа рыцарской чести и воинственной силы, утрата которых не могла быть возмещена трудящимся, построенным на подвижных силах капитала, состоянием горожан. С того времени, как Рим и Флоренция низвергли дворян, оборонительные силы обеих республик стали все более и более умаляться. Индустрия и благообеспеченность сделали граждан неуклюжими к самозащите; они стали нанимать*

наемников, подобно общинам в античную эпоху упадка Эллады. При помощи тех же наемников тираны обращались во владык. Так повсюду создалось бесправное бытие удачи, права кулака и самоуправства. И вот, когда государства бессильно лежали во прахе, само общество стало складываться в союзы как для нападения, так и для отражения нападений. Водворилось господство ассоциации как в хорошем, так и в дурном значении слова. Одно и то же средство доставляло и гибель, и спасение. Это эпоха лиг политических и социальных, братств по оружию, рыцарских союзов, союзов городов, братств во всяком направлении и в каждой стране Европы» [Грегоровиус: История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия), С.1124-1125].

Немецкий культуролог и историк даёт возможность понять, что криминальная субкультура была организована самым высоким образом: «...постоянного войска не существовало нигде. Войны церкви с Висконти, распри между Монферратом и Миланом, Сиеной и Перуджией, Пизой и Флоренцией доставляли наемным бандам непрерывно новую пищу, ибо всякий синьор и всякий город нуждались в них. Сами они составляли странствующие военные государства, замечательно хорошо организованные. Предводителя этих кругом зашитых в железо барбутов (как они назывались по своим шлемам) окружал совет из четырех капитанов из рейтаров (*cavalieri*) и из стольких же пехотинцев (*masnadieri*). Важные случаи возносились сверх того по республиканскому обычаю, на общее собрание всех капралов. Констабли, маршалы, капралы составляли именно различные градации (*grades*) в военном таком союзе, смотря по тем бандирам или эскадронам, на которые делилась компания. Были судьи, нотариусы, казначеи, выдававшие добычу и жалованье и заведовавшие финансами. Целый гарем женщин, увезенных монахинь и добровольных потаскушек сопровождал эти банды, которым предшествовало паническое бегство и последовали голод и чума. Пестрый их лагерь был рынком, на кагором добыча монастырей и городов продаваема была мириадам торгашей, причем крупные банки Италии состояли в деловых связях с капитанами, помещавшими к ним на проценты награбленную добычу. С государями и республиками компании вели переговоры в дипломатических формах, как равные с равными. Посланцев их принимали они в малом военном совете или на великом парламенте; к государствам отправляли прокураторов и ораторов; принимали и выдавали договорные грамоты, снабжаемые каждым капитаном своей печатью, свинцовой или красного воска. Ядром всех переговоров являлось, всеконечно, одно лишь простое вымогательство денег» [Грегоровиус, С.1125].

О предельной циничности этих кругов, существовавшей ещё в древности, рассказывает эпизод вымогательства у кардинала денег преступными элементами [Грегоровиус, С.1125-1126]. Автор работы замечает, что банды грабителей поднимали на смех Папу и императора в ответ на предложение идти на неприятеля (и превратиться в крестовых рыцарей) [Грегоровиус, С.1125-1126]. Не подействовала и отлучающая булла, которая была воспринята с таким же смехом... [Грегоровиус, С.1125-1127].

Насилие, которое допустимо в руках людей у власти (усиленное властью), описано и в Ветхом Завете. Э.А. Поздняков указывает, что когда Моисей отлучается на гору Синай, его народ сотворяет нового кумира – Золотого тельца. Обнаружив это, Моисей велит приближенным пройти по стану с оружием. В результате этого совершается 3000 убийств [Поздняков: Философия преступления, С.144]. Такая христианская идеология могла способствовать закреплению в сознании средневекового человека самых разных идей: верховное лицо противодействует преступности и насилию, но его же может и сотворить, против циничности и предательства должна действовать сила, а не убеждение и т.д. Такая стратегия способствует выживанию общества в сложных условиях хоть войны, хоть мира (известно, как много предательств совершалось в Средние века, и какими жестокими средствами с этим боролись).

Пожалуй, в наибольшей степени криминальную субкультуру Средние века отличает двойственность. Во-первых, преступником мог быть как исключительно бедный, опустившийся человек (например, среди крестьян могло быть широко распространено браконьерство), так и властный, богатый феодал. Именно в Средние века, появляется фольклор, обличающий социальное неравенство, произвол лиц, обладающих властью и богатством. Во-вторых, трактовка преступления и личности преступника (в народном и индивидуальном творчестве) резко отличалась от реальности. Например, в жанре миракля, преступник зачастую, мог настолько искупить свою вину, явить миру добродетельные душевные качества, что становился праведным христианином; чуть ли, не равным святым. Преступник может стать героем после преступления, работа над своей нравственностью и искупая грех; тогда как в Античности персонажи мифов (в некоторых случаях – тоже преступники) становятся героями в момент совершения условного преступления. Впрочем, есть разница и в тяжести преступлений – Средневековье уже способно рисовать мрачные картины возможного реального насилия. «Рождающийся» и обретающий «культурную» силу европеец, представляет физическое насилие и само-насилие (как христианскую покорность насилию) важной частью культуры и духовного развития. В-третьих, образ преступника Средних веков сочетает в себе и насилие и жертвенность. Можно

сказать, что перед нами преступник-жертва, преступник-грешник («больной» грехом человек). Приведём несколько примеров и доводов.

1. Средневековая мораль обещает преступнику, как и всякому грешнику, после смерти страдание. Следовательно, преступник сам посылает себе страдания, становится жертвой своего неблагочестия, христианской неразумности, обрекает душу на погибель. Мысленная фантазия о возможном физическом «поражении грехом», видна в средневековых суевериях и представлениях о болезнях, в трактовке эпидемий, сопровождающихся какими-либо высыпаниями на коже.

2. Зачастую, даже такие сферы, как смех и веселье, праздность и отдых могли таить в себе опасность преступления, и это вовсе не интерпретация смеховой культуры пуританским сознанием. Известен такой образец старинного фольклора, когда «весёлые ребята» крадут у бабы деньги, да ещё и насмеваются:

*«...Он и руку протянули
И кубышечку стянул.
«Пойдемте-тка, ребята, под ракитов частый куст,
Станем денежки делить,
Стару бабушку хвалить:
Ты живи, баба, поболе,
Ты коти денег поболе!
И мы твой двор знаем, опять зайдем;
Мы кубышку твою знаем, опять возьмем;
А тебя дома не найдем, — и двор сожжем!»* [См. Песенникъ 1780 года, часть II, стр. 203].

Английский историк П.Акройд, исследуя биографию В.Шекспира, указывает на «неблагополучные» районы и места Лондона. К таким местам можно отнести пространства недалеко от театров. Так, один из первых театров, «Роза», был выстроен на месте борделя: «...«розами» на жаргоне назывались проститутки, роза изображалась на их вывесках; в окрестностях было много домов свиданий. Некоторые из них принадлежали Филиппу Хенслоу» [Акройд: Шекспир. Биография] (театральному антрепренёру). Театральные представления привлекали воров-карманников. Итак, в криминальной субкультуре прошлого мы снова находим двойственность: обращение к смеху в сочетании с циничностью; веселье на фоне преступления, преступление на фоне веселья.

Если преступники наказывались обществом, то оно едва ли руководствовалось гуманными соображениями (пытки, мучительные казни). Таким образом, наказание могло не соответствовать преступлению, и носить более тяжёлый характер и последствия. При этом, наказание могло избираться таким образом, что бы воспроизводить преступление, но уже на самом преступнике. В результате, и роль жертвы, и роль преступника — были фактически идентичными. Средневековый европеец был способен увидеть преступника даже в животном и вершил правосудие над ним (хотя, возможно, это всего лишь психологический механизм переноса агрессивного поведения, который в Средневековье был нагляден, символичен и наиболее приемлем как вариант замены настоящего насилия). М. Пастуро описывает жестокую казнь Фалезской свиньи, виновной в смерти мальчика (потом это событие, относительно рядовое, увековечили в виде панно, в церкви Св. Троицы) [Пастуро: Символическая история европейского Средневековья, С.29-30]. Другой французский историк, Р.Фоссье приводит такие сведения: «...Столкнувшись с запутанным делом, судья мог прибегнуть к божественному волеизъявлению, что освобождало его от необходимости самому делать непростой выбор: обычай «ордаши», то есть физического испытания (раскаленным железом или кипящей водой), которое предлагали пройти предполагаемому преступнику, чтобы он перед лицом Господа доказал свою невиновность, продержался до XII века» [Фоссье: Люди средневековья, С.244].

3. Для преступника существовал риск оказаться жертвой мести родственников того человека, который потерпел оскорбление, убыток или расстался с жизнью. Месть была своего рода обязательной и само собой подразумевающейся. Череда случаев проявления мести между семьями могла быть очень длинной и растягиваться на десятилетия. Это выглядит как неконтролируемая, стихийная практика, нарушающая принципы справедливости, ведущая к беззаконию. Однако, на этот счёт есть свидетельства о том, что месть была желательна, и не так уж осуждалась законодательно. Р.Фоссье указывает, что люди Средневековья «...задетые в чувствах обиженной гордости, пострадав от кражи имущества или простого унижения, не обращали внимания на смягчающие обстоятельства оскорбления. И потому месть должна быть полной, без условий «мира», даже если их предлагали «друзья» [Фоссье, С.240-241]. Автор издания указывает: «...это неистовое стремление отомстить за обиду, «файда», вендетта буквально переполняют грамоты о помиловании эпохи позднего Средневековья, в которых эти мотивы приводятся в оправдание применения силы. В вен-

детте участвовали как принцы, так и простые крестьяне, и она могла длиться годами, омрачая политический небосклон магнатов и мешая профессиональной деятельности простолюдинов» [Фоссье, С.252]. Способ и время мести были целиком определяемыми мстителем, что делало преступника беззащитным, абсолютно неподготовленным к акту возмездия. В иных случаях короткий период после преступления, за которым следовала месть, не давал возможности осознать свой проступок, и сама месть оказывалась бессмысленной в этическом, моральном плане.

Сочетание чести, преступления и жертвенности в одной личности наглядно представляется в трагедии "Сид" Пьера Корнеля. Хотя момент создания этого классического произведения французской драматургии относится к 1637 году, в поведении персонажей пьесы угадывается средневековое сознание; этические установки и традиции мщения, берущие своё начало, скорее в древности, нежели в веке Просвещения. В главном герое Родриго можно угадать сочетание образов преступник-жертва.

Двойственное отношение к преступнику, который выступал в некоторых ситуациях жертвой, могло быть подготовлено, в сознании средневекового европейца, допущениями христианской идеологии. С точки зрения многих участников распятия Христа, Он – преступник; но в христианском, верующем понимании, на самом деле – жертва, самый безгрешный из всех людей. Тем не менее, народ, толпа определяют в нём преступника и просят предать казни. Между тем, настоящим преступником – Варавва отпущен на свободу. В русской культуре также закреплена традиция сочувствия заключённым людям, то есть – аналогичное восприятие преступника как жертву. Такое отношение закреплено в пословицах ("От сумы, да от тюрьмы не зарекайся"), в традициях милосердия к заключённым (выражающееся в подавании им милостыни, передачи каких-то вещей), в традиции молиться за них в праздник Покрова (14 октября) и т.д.

Ещё одним отличительным моментом криминальной субкультуры и восприятие её обществом является отношение к визуальному проявлению насилия. Средневековый человек оказывался как будто нечувствительным к изображению мучений и страдания. При этом, сокрытое преступление воспринималось как большее зло. А. Я. Гуревич указывает, что «...Преступление, содеянное под покровом ночи, каралось особенно строго... На протяжении всего средневековья ночь осталась символом зла и греха...» [Гуревич: Категории средневековой культуры. «Что есть время?»]. Насилие могло не просто совершаться открыто, публично (даже самые гнусные преступления) безо всякого развитого чувства стыда, оно, как правило должно было и наказываться открыто – публичными пытками и казнью, провозом преступника в клетке через весь город. Г.фон Белов указывает, что специализированные тюремные здания появляются лишь в позднем Средневековье. Происхождение названия этих тюрем в немецком языке основывается на слове «Stock» – позорный столб, колодки. Потребность в тюрьмах была не так уж велика, и под арест сажали с целью провести дознание. Существовали позорные камни, столбы или клетки, преступнику могли надевать железный ошейник. Стояние у позорного столба – самостоятельный вид наказания. Иногда, около столба могли совершать другие виды казни – сечение розгами, вырывание языка. Позорный столб всегда помещался на рыночной площади, а вот смертная казнь совершалась за пределами города [Белов: Городской строй и городская жизнь в Средневековой Германии, С. 62]. Другие историки упоминают, что свидетелями страшных пыток и мучений часто становились такие же преступники, как и те, что претерпевали муки. И хотя в этой практике угадывается попытка предупредить о возмездии и наказании всех возможных оступившихся, нашему современнику сложно понять обязательную демонстрацию насилия и мучений.

Лишь в эпоху модерна постепенно начинают отказываться от публичных истязаний преступников, под идеей аморальности таких практик. Но только лишь отсутствие этической рефлексии заставляла средневекового человека предаваться подобным зрелищам? Только лишь в целях профилактики демонстрировалось насилие над преступником? Визуально подтверждённое насилие – специфическая черта культуры Средневековья. Как нам представляется, одно из главных чувств человека Средневековья – подозрение (обратная сторона веры и наивности). Любой человек мог подозреваться в грехе и преступлениях. Средневековый социум хотел чувствовать уверенность в искоренении зла, и публичные казни обладали катарсическим воздействием.

Остаётся удивительным тот факт, что в течении тысячи лет было произнесено и написано так мало мыслей о человеке и его страданиях (не о божественном, а о человеческом страдании), и достаточно создано идей о нравственности, грехе добродетелей.

Итак, отношение к насилию, преступности и криминальной субкультуре в средневековом обществе только начинало формироваться. Гораздо раньше, чем может представляться, были выработаны типичные преступные схемы организации криминальной группы, вымогательства денег, дележа добычи, стратегии преступного выживания. Этика и отношение к преступности не носили устойчивый характер, несмотря на довлеющую христианскую мораль. В криминальную субкультуру могли входить самые разные группы и слои населения; она отличалась особенной жестокостью,

«всеядностью» и нелогичностью насилия. Несмотря на ясно выраженную позицию христианской идеологии в отношении убийств и других преступлений, человек европейского Средневековья допускал возможность кровавых и многочисленных жертв, с лёгкостью относясь к чужим страданиям и смерти. Средневековой была не чужда организованная преступность, криминал проникал всюду. В их взаимных обвинениях в насилии усматривается развернувшаяся классовая борьба. Двойственное, сострадательное отношение к преступнику могло формироваться под влиянием христианства, но произошло это, скорее всего в период позднего Средневековья, когда этическая мысль стала более пристально присматриваться к Человеку. Существовали, (правда, крайне неэффективные), практики противодействия насилию и преступности (помимо физического сопротивления). К одной из таких практик можно отнести лишение рыцарского звания того рыцаря, который особенно жестоко угнетал население какой-либо территории, отличался значительными поборами с путников и т.д. Процедура лишения рыцарского звания носила постановочно-символический характер, но конкретное наказание, сколь – либо существенное, вероятно не следовало. Как замечают многие исследователи, античный гуманизм рождался изнутри человека, тогда как средневековый был порождён ужасным внешним разгулом насилия и преступности.

Список литературы References

1. Шемякина В.В. Криминальная субкультура современной России. – Автореф. дисс. на соискание уч. ст. кандидата юридических наук. – Челябинск. 2010. С. 9
Shemjakina V.V. Kriminalnaja subkultura sovremennoj Rossii. – Avtoref. diss. na soiskanie uch. st. kandidata juridicheskikh nauk. – Cheljabinsk. 2010. S. 9
2. Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе // Пер. с англ. И.А. Петровской. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. 33-39 с.
Buassonad P. Ot nashestvija varvarov do jepohi Vozrozhdenija. Zhizn i trud v srednevekovoj Evrope // Per. s angl. I.A. Petrovskoj. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. 33-39 с.
3. Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия) (Полное издание в одном томе) / Пер. с нем. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА». 2008. С.437
Gregorovius F. Istorija goroda Rima v Srednie veka (ot V do XVI stoletija) (Polnoe izdanie v odnom tome) / Per. s nem. – М.: «Izdatelstvo ALFA-KNIGA». 2008. S.437
4. Блок М. Феодалное общество // Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С.403.
Blok M. Feodalnoe obshhestvo // Per. s fr. M.U. Kozhevnikovoj. – М.: Izdatelstvo im. Sabashnikovyh, 2003. S.403.
5. Борисов С.Н. Концепт насилия в современном российском самосознании // Проблемы российского самосознания: патриотизм, гражданственность и отечественная культура (к 200-летию со дня рождения Н.В.Станкевича) : материалы 10-й Международной научной конференции (Москва, 3 октября 2013 г., Белгород, 8-10 октября 2013 г.) ; под общ.ред. С.А.Никольского / Ин-т филос. Рос. акад. Наук, Белгородский гос.нац.исслед. ун-т. – М. : Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ». 2013. С.101
Borisov S.N. Koncept nasilija v sovremennom rossijskom samosoznanii // Problemy rossijskogo samosoznanija: patriotizm, grazhdanstvennost i otechestvennaja kultura (k 200-letiju so dnja rozhdenija N.V.Stankevicha) : materialy 10-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 3 oktjabrja 2013 g., Belgorod, 8-10 oktjabrja 2013 g.) ; pod obshh.red. S.A.Nikolskogo / In-t filos. Ros. akad. Nauk, Belgorodskij gos.nac.issled. un-t. – М. : Belgorod : ID «Belgorod» NIU «BelGU». 2013. S.101
6. Федорова А. Н. Виды правонарушений по судебнику 1497г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 176-179.– [Эл. ресурс]. – Код доступа: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/49.html
Fedorova A. N. Vidy pravonarushenij po sudebniku 1497g. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2011. № 6 (12): v 3-h ch. CH. II. S. 176-179.– [JEl. resurs]. – Kod dostupa: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/49.html
7. Поздняков Э.А. Философия преступления. – М. : 2001. 144С.
Pozdnjakov J.A. Filosofija prestuplenija. – М. : 2001. 144S.
8. Акройд П. Шекспир. Биография. [Эл. ресурс]. – Код доступа: <http://knizhnik.org/piter-akrojd/shekspir-biografija/14>

Akrojđ P. Shekspir. Biografija. [E. resurs]. – Kod dostupa: <http://knizhnik.org/piter-akrojđ/shekspir-biografija/14>

9. Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья. – СПб. : Alexandria. 2012. С.29-30

Pasturo M. Simvolicheskaĵa istorija evropejskogo Srednevekovja. – SPb. : Alexandria. 2012. S.29-30

10. Фоссье Р. Люди средневековья / Пер. с франц. А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова, И. А. Эгипти. – СПб.: ЕВРАЗИЯ. 2010. С.244

Fosse R. Ljudi srednevekovja / Per. s franc. A. JU. Karachinskogo, M. JU. Nekrasova, I. A. Jegipti. – SPb.: EVRAZIA. 2010. S.244

11. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М. : Прогресс-академия. 1992. С.40

Le Goff J. Civilizacija srednevekovogo Zapada. – M. : Progress-akademija. 1992. S.40

12. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. «Что есть время?» – [Эл. ресурс] . – Код доступа: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/gurevich/что-est-vremya.htm>

Gurevich A.J. Kategorii srednevekovoj kultury. «Chto est vremja?» – [El. resurs] . – Kod dostupa: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/gurevich/что-est-vremya.htm>

13. Белов Г. Городской строй и городская жизнь в Средневековой Германии // под ред. Д.Петрушевского. – пер. с нем. Е.Петрушевской . – М. : изд. М. и С. Сабашниковых. – 1912. С. 62

Belov G. Gorodskoj stroj i gorodskaja zhizn v Srednevekovoj Germanii // pod red. D.Petrushevskogo. – per. s nem. E.Petrushevskoj . – M. : izd. M. i S. Sabashnikovyh. 1912. S. 62.